

Глава 1

Стены тюрьмы Министерства наказаний содрогались от истошных, пронзительных воплей. Крики мешались с сухим, хлётким свистом плети, впивающейся в живое мясо, и чей-то голос, то и дело срываясь, изрыгал яростные проклятия.

— Цзи Хуайчжэнь! Пёс паршивый! Чтоб ты сдох, не дождавшись своей смерти!

— Ты губишь верных слуг престола! Плетёшь интриги, обманываешь государя! Предал своего старого господина!

— Предки Великой Ци не оставят это так! Они не позволят такому подлецу, как ты, разрушить страну!

У входа в камеру стоял человек — статный, с прямой спиной, в изящном нефритовом венце. Услышав проклятия, он лишь пренебрежительно фыркнул. Носком сапога мужчина лениво отшвырнул пробегавшую мимо крысу и, не желая оставаться в долгу, огрызнулся:

— Ах ты, плешивый холоп! Вот и зови своих предков, пусть явят чудо и спасут твою никчемную жизнь!

Стоявший рядом чиновник заискивающе заулыбался. О замашках Великого наставника — Тайфу — ходили легенды: поговаривали, что он чрезмерно падок на роскошь и комфорт даже в самых неподходящих местах. Чиновник поспешно приказал слугам притащить заранее припасённое кресло из грушевого дерева с расшитой пуховой подушкой и подать чайник с горячим бодрящим чаем.

Цзи Хуайчжэнь окинул подношение прищуренным взглядом и лишь после того, как личный слуга всё поправил, соблаговолил сесть, словно делая великое одолжение этому жалкому месту.

Тем временем человек на дыбе не умолкал. Напротив, голос его окреп, словно перед смертью в нём вспыхнул последний огонь жизни. Он запрокинул голову и расхохотался, выкрикивая издевательски:

— Что за диво: праздный гуляка в озере конский член узрел, а переправщик через реку привык коров в щель драть... Вот уж не думал, что, угодив в сточную канаву, пойду ко дну из-за такой смазливой мордашки!

Лицо Наставника мгновенно потемнело.

Слуга вздрогнул и в ужасе покосился на господина. Не успел он приказать стражникам заткнуть наглецу рот, как Цзи Хуайчжэнь неторопливо поднялся с кресла. Прихватив с собой

дымящийся чайник, он направился вглубь камеры.

Палачи ещё не успели сообразить, что происходит, как белая, холёная рука перехватила у них окровавленную плеть.

— Найдите мне мешок соли, — глухо приказал мужчина.

Перед ним на дыбе висел человек. Волосы спутаны, одежда превратилась в кровавые лохмотья, кожа вспорота ударами плети. Он был при смерти, но смотрел на Цзи Хуайчжэня с нескрываемым презрением.

Тот взял соль, высыпал её прямо в чайник и хорошенько встряхнул.

— Про корову-то я понял, — небрежно бросил он, — а вот при чём тут «переправщик»? Это ты меня лодочником величаешь? Просвети-ка, Третий принц, будь так добр.

Узник сплюнул кровью прямо на расшитый воротник Цзи Хуайчжэня, пачкая дорогую ткань красным, и вдруг рассмеялся:

— Цзи Тинъе трахал твой зад, ты трахаешь чужие... Я говорю, что вся ваша семейка Цзи — сплошная грязь и содомия от корней до макушки!

Цзи Хуайчжэня честили в хвост и в гриву, но из-за недостатка образования он даже не все оскорбления понимал до конца. Приходилось, переступив через гордость, выспрашивать у врага, в чём именно заключается обида.

Впрочем, внешне он остался невозмутим. Лишь едва заметно усмехнулся и выплюнул одно-единственное слово:

— Невежество.

Третий принц яростно вытаращился, собираясь выдать новую тираду, но Наставник уже щедро полил шипастую плеть горячим чаем с солью и наотмашь полоснул его. Камеру огласил вопль — такой силы и боли, что прежние крики показались детским лепетом.

Поистине: лик бодхисаттвы, а сердце скорпиона.

Спустя несколько мгновений крики стихли. Человек на дыбе обмяк и перестал подавать признаки жизни.

Цзи Хуайчжэнь брезгливо бросил мокрую плеть на пол и пробормотал себе под нос:

— Вечно эти умники смеются надо мной, мол, и двух иероглифов связать не могу, выскочка и посмешище... А как прижмёт, так матерятся не хуже последнего грузчика.

Он опустил взгляд на залитые чужой кровью одежды и вяло бросил слуге:

— Саньси, готовь экипаж. Едем во дворец, к сестре.

Тот замялся, нервно сглотнув.

— Господин, там, за воротами, толпа чиновников. Все ждут, чтобы просить за Третьего принца. Если выйдете сейчас, боюсь, без долгой перебранки не обойдётся.

Саньси хотел было предложить господину незаметно выскользнуть через черный ход, но, заметив гнев на его лице, вовремя прикусил язык. Наставник явно был в ярости после поношений в камере, и предложение «пройти через заднюю дверь» могло закончиться тем, что господин прикажет десятку дюжих стражников разок «пройтись» через задний проход самого слуги.

— Это же не мой указ был, — искренне возмутился Цзи Хуайчжэнь. — Пусть к Императору идут! Или, на худой конец, к Первому принцу. На государя лаять кишка тонка, Первого принца боятся, вот и срываются на мне. Что за собачья логика!

Во время второй стражи тяжелая карета демонстративно выехала из главных ворот Министерства наказаний. Дорогу ей преградили ряды чиновников — толпа была такой плотной, что яблоку негде было упасть. Военные не стеснялись в выражениях, поминая предков Наставника до восемнадцатого колена в самых извращённых формах. Гражданские же, будучи людьми утонченными, сочиняли едкие стишки о том, как из-за коварных временщиков Великая Ци скоро пойдёт прахом.

Цзи Хуайчжэнь откинул занавеску и холодно бросил в толпу:

— Господа, Его Величеству как раз нужны добровольцы для алхимических опытов. Чей там гороскоп, говорите, подходит лучше всего?..

Угроза была краткой, но действенной. Толпа притихла. Глядя на лицо Тайфу, который явно был готов пустить карету прямо по головам, чиновники нехотя расступились, освобождая путь.

Лишь один человек, стоявший во главе и не проронивший до этого ни слова, провожал экипаж сложным, нечитаемым взглядом. Он явно хотел что-то сказать, но Цзи Хуайчжэнь даже не удостоил его мимолётным взглядом. Карета покатила в сторону императорского дворца.

Саньси старательно ухаживал за господином, растирая ему ноги.

— Господин, а что делать с телом Третьего принца? В Министерстве наказаний боятся спрашивать государя, ждут вашего решения.

Наставник, прикрыв глаза, недовольно хмыкнул — гнев ещё не остыл.

— Собакам скормите. Будет знать, как меня поносить.

Слуга замолк, не смея перечить. Спустя минуту Цзи Хуайчжэнь нехотя приоткрыл глаза и буркнул:

— Скажи, пусть отнесут тело в Министерство ритуалов. Пусть хоронят по чину. Государю я сам всё объясню.

Он снова откинулся на подушки и тяжело выдохнул:

— Сделай это сейчас же. Если опоздаешь, эти чистоплюи поднимут такой вой, что проснутся небеса. Прослышит Первый принц — и тогда тело точно окажется в собачьих мисках, хочет он того или нет.

Саньси поспешно закивал, рассыпаясь в лести, мол, господин милосерден и выше того, чтобы обижаться на дураков. Это нытьё быстро надоело Цзи Хуайчжэню. Он уже замахнулся ногой, чтобы вышвырнуть его из кареты, но вдруг что-то вспомнил.

— Кто сегодня был у ворот?

Саньси назвал несколько имен.

Цзи Хуайчжэнь на мгновение задумался, и на его губах заиграла недобрая усмешка.

— Лу Ши... Он ведь у нас образцовый чиновник, радетель за закон и порядок? Вот и отлично. Оттащите тело Третьего принца к его дому. Пусть сам разгребает этот навоз. Посмотрим, хватит ли у него смелости обвинить меня в нарушении устоев.

Не дожидаясь пинка, Саньси благоразумно исчез.

Наконец наступила тишина. Наставник сменил перепачканное кровью платье и провалился в тяжелый сон. Когда кучер разбудил его у дворца, он привычным движением наступил на спину склонившегося мужчины вместо подножки и вальяжно зашагал внутрь. Никто не посмел преградить ему путь.

Остановившись в безлюдном месте, он закатал рукав и посмотрел на свои пальцы. Они мелко

дрожали. Пришлось с силой сжать кулак, чтобы унять эту предательскую дрожь.

Пахло сырой землей — верный признак скорого дождя. Этот запах вызвал у него мимолётный приступ тошноты. Он глянул в отражение в пруду: бледное лицо, ввалившиеся глаза — настоящий призрак, а не вельможа.

— Предал старого господина... — пробормотал он с усмешкой. — Будто я его боюсь.

Проходя мимо кабинета императора, он заметил сквозь бумажные окна колышущиеся тени. Одна фигура в короне подобострастно кланялась, жемчужные нити на головном уборе неистово качались. Другая же, с метёлкой-фучэнь в руках, выделявала причудливые пассы перед грудью государя, словно творя заклинание.

Цзи Хуайчжэнь, не замедляя шага, проследовал к покоям императрицы. Разогнав слуг, он без стука толкнул дверь.

Императрица Цзи Ванься читала книгу и от неожиданности вздрогнула. Увидев брата, она устало вздохнула и покосилась на спящего принца, которого шум чуть было не разбудил.

— Сколько раз тебе говорить: предупреждай, прежде чем врываться. Ты меня до смерти напугаешь когда-нибудь.

Она с улыбкой подняла взгляд на брата, но тут же осеклась, заметив его состояние. Впрочем, женщина быстро взяла себя в руки.

Цзи Хуайчжэнь мгновенно растерял всю свою надменность и спесь. Он достал из-за пазухи лоскут с вышивкой и бережно расправил его под светом лампы, протягивая сестре.

— На днях в городе приметил. Когда будешь шить А Цюаню наряд, пригодится.

Только что он безжалостно истязал человека в темнице, а теперь с нежностью присел у постели племянника. Мужчина осторожно взял в ладонь пухлую белую ножку спящего ребенка и озабоченно пробормотал:

— Почему ему уже четыре, а ножки такие крохотные? Как он вырастет-то?

— Племянники в дядьёв удаются. Посмотри на себя, разве А Цюань может остаться коротышкой? Тебе ведь только завтра утром в поход собираться да указы принимать, что ты здесь в такой час?

Маленький принц проснулся. Увидев дядю, он на мгновение замер, а потом залился горьким плачем. Прибежавшая служанка поспешно унесла его, пытаясь успокоить.

Цзи Хуайчжэнь растерянно посмотрел вслед, а затем перевёл взгляд на сестру:

— Я что, укусил его?

Императрица вздохнула и смочила полотенце в тазу. Несмотря на то что брат был крепким и рослым мужчиной, она мягким движением заставила его сесть на табурет.

Холодная влажная ткань коснулась его лица.

Мужчина замер. Он понял, что Цзи Ванься смывает что-то с его кожи. До этого он даже не замечал пятен.

— У этой воды странный запах, — попытался он отшутиться.

— Это вода из-под ног твоего племянника, не успели вылить. Потерпишь.

Сестра улыбалась, но глаза её оставались печальными. Она не спрашивала, откуда на его лице кровь и почему от него веет смертью. Её любопытство давно было задушено этими высокими стенами и придавлено тяжестью сверкающей короны.

Цзи Хуайчжэнь молчал. Спустя минуту он решился:

— Сестра, через три дня я уйду к ижунам. Дело серьезное, вернусь не раньше чем через полгода. Я за тебя спокоен. Переезжай-ка ты лучше домой. Если кто пикнет — я им такое устрою, что до конца дней икать будут. Собирайся, я тебя сейчас заберу.

Императрица лишь покачала головой:

— Никуда я не пойду. Моё место здесь, в этом дворце.

Цзи Хуайчжэнь хотел было настаивать, но, видя её непреклонность, отступил.

— Тогда я оставлю тебе Саньси. Он скользкий и любит пустить пыль в глаза, но жизни всей его родни у меня в руках, так что предавать не рискнёт. Если что-то случится, пусть шлёт гонцов в Чилэчуань. Это земли ижунов.

Лицо Цзи Ванься исказилось от боли, она хотела что-то сказать, но лишь тяжело вздохнула:

— Брат... Ты вознёсся высоко, но не забывай облагодетели — благоговения и милосердия. Саньси твой слуга, но не надо его вечно понукать и бить. Ты помог ему, это правда, но если держать людей на цепи из страха за близких, рано или поздно в их сердцах поселится

ненависть. Я знаю, ты никому не веришь, но он верен тебе все эти годы. Будь к нему хоть немного добрее.

Наставник промолчал.

Он просто не знал, как это — быть добрым. Никто его этому не учил.

Заметив его взгляд, императрица взяла его за руку:

— Путь неблизкий, бог знает, что тебя ждёт. Забирай Саньси с собой, так мне будет спокойнее.

Издали донесся безумный хохот Императора Учжао. Звук приближался к дверям, сопровождаемый криками слуг: «Ваше Величество, осторожнее!»

Сестра встревоженно дернулась, собираясь выйти, но Цзи Хуайчжэнь удержал её.

— Не ходи. Опять, небось, «бессмертные техники» отрабатывает.

Они замолчали. Голос императора то затихал, то снова гремел за стеной. Глаза императрицы покраснели, она с трудом сдерживала слёзы. Поправив выбившуюся прядь, она всхлипнула:

— Всё перевернулось... Раньше ижуны присылали заложников, чтобы вымолить пощаду, а теперь, спустя всего несколько лет, мы сами шлём посольство просить о мире. Государь в гневе, заточил Третьего принца в темницу, и кто знает, выйдет ли он оттуда... Ты уезжаешь... А если татары ударят сейчас? Что нам делать? Брат, я не хочу, чтобы ты ехал.

Цзи Хуайчжэнь молчал. Он не посмел сказать сестре, что Третий принц уже мёртв. И что убил его он сам.

— Сестра... — наконец выдохнул он. — В казне пусто. Воевать не на что. Пока татары не перешли границу, наш единственный шанс — союз с ижунами.

— Но ведь звали этого Лу Ши! Зачем ты вызвался вместо него? Ты и так сделал для семьи Лу слишком много, убил ради них столько людей... Неужели этого мало?

Услышав, как сестра вслух поминает дворцовые тайны, Наставник резко прервал её:

— Тсс!

Он покачал головой, давая понять, что разговор окончен.

Императрица поняла, что сболтнула лишнего, и испуганно глянула на окно. Цзи Хуайчжэнь с детства не умел спорить с сестрой, поэтому лишь мягко сказал:

— Обещаю, это в последний раз. Отдыхай. Я зайду перед самым отъездом.

Он уже шагнул за порог, когда женщина окликнула его. Он обернулся. Императрица стояла посреди комнаты, заламывая пальцы.

— Папа в последнее время совсем плох. Если выкроишь время до отъезда... навести его.

По полу пронёсся сквозняк, закружив сухую листву у его ног. Длинные черные волосы Цзи Ванься разметались по плечам, она зябко поежилась на февральском ветру.

— Сестра, похолодало. Иди в дом, — не ответив на просьбу, бросил Цзи Хуайчжэнь.

Он ушёл, не оборачиваясь. Слуги с фонарями последовали за ним, и вскоре их огни растворились в темноте дворцовых коридоров.

<http://bllate.org/book/15318/1356100>